



Я превращаюсь в дождь

Эльвира Сметик

Линия души

Эльвира Смелик

Я превращаюсь в дождь

«РОСМЭН»

2018

УДК 821.161.1-31-93
ББК 84(2Рос=Рус)6

Смелик Э. В.

Я превращаюсь в дождь / Э. В. Смелик — «Росмэн»,
2018 — (Линия души)

ISBN 978-5-353-09035-9

Одноклассники Леха и Егор – лучшие друзья, популярные и уверенные в себе. А новенькая Олеся предпочитает оставаться незаметной и избегает лишних контактов, особенно сторонясь тех, кто привлекает к себе много внимания. Почему бы не подшутить над тихоней, не прикинуться влюбленными? Кто первый сумеет привлечь ее внимание – Леха или Егор? Олеся кажется легкой добычей, над которой так просто посмеяться, а потом выбросить все из головы. Но так ли это на самом деле? Чем обернется глупый розыгрыш для Олеси, Лехи, Егора и многих других?

УДК 821.161.1-31-93

ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-353-09035-9

© Смелик Э. В., 2018

© Росмэн, 2018

Содержание

Дневник Олеси	6
Глава 1	8
Глава 2	13
Дневник Олеси	18
Глава 3	20
Глава 4	25
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Эльвира Смелик

Я превращаюсь в дождь

Серия «Линия души»



© ООО «РОСМЭН», 2018

* * *

Дневник Олеси



Наутро шел дождь. Робко стучал в окно, будил. Я уже отвыкла вставать рано, потому что еще вчера было лето, каникулы, а сегодня – первое сентября. Опять в школу. Я...

Не могу точно сказать, люблю ее или ненавижу. Когда урок, в классе тишина и все сидят на своих местах – вполне так ничего. А вот на переменах, когда толчея и шум, мне неудобно. Я теряюсь в толпе, меня сбивают с толку чужие устремления. Запросто могу пойти туда, куда валит большинство, даже если мне надо в противоположную сторону.

Но еще хуже, когда ко мне кто-то неожиданно обращается, что-то спрашивает, начинает куда-то звать, тянуть за собой. У меня слух сразу отключается, и я ничего не слышу и не понимаю. И мозг тоже отключается. Поэтому, наверное, правы те, кто считает, будто я не в себе или чокнутая.

Так и есть. В этот момент я действительно не в себе. Сознание переносится в другую реальность, где спокойно и безлюдно. А еще там часто идет дождь. Не ливень, не гроза, а такой, как сегодня, – тихий, ровный, осторожный.

В дождь на улице обычно мало народу. Это мне тоже нравится. Особенно хорошо в выходные. Но первое сентября редко выпадает на выходной. Оно и сегодня не выпало, но все равно день получился не совсем обычный.

Обязательную торжественную линейку на школьном стадионе проводить не стали из-за погоды. Какой праздник в такую мокрень и ненастьё? Все сразу разбрелось по кабинетам. Только первые и одиннадцатые классы направились в актовый зал. Но я не учусь ни в первом, ни в одиннадцатом. В десятом. Конкретнее – в десятом «А». И кажется, я единственная, для кого буква после цифры не изменилась.

Это даже лучше, что рядом нет моих прежних одноклассников, что кругом все незнакомые. Я правда мало кого из них знаю. Раньше видела некоторых. Наверняка видела. Все-таки несколько лет перемещались по одному зданию. Но насчет имен...

Нет, точно ни одного не знаю. А они не знают меня. Поэтому лишний раз беспокоить не будут. Зачем им чужая, когда поблизости есть свои?

В нашем десятом собрали бывшие девятый «Б» и девятый «В», и только я из девятого «А». Второй десятый оказался переполненным, вот и предложили одному человеку перейти, и я согласилась. Мне все равно. Или даже лучше, я уже говорила.

В класс я вошла последней. И остановилась у доски. Все уже рассаживались, а я стояла, не зная, куда идти. Мне показалось, свободных мест не осталось, все занято.

И что мне теперь делать?

– Олесья! – воскликнула стоявшая возле учительского стола Светлана Сергеевна. Она в прошлом году вела у нас математику, а теперь стала классной у десятого «А». – Ты чего тут застыла?

Я поняла, что сейчас мои новые одноклассники обернутся в мою сторону – все сразу, больше двадцати взглядов, направленных прямо на меня, – и скорее шагнула в ближайший проход. И надо же – сразу увидела пустую парту. Четвертую в ряду у стены. Совершенно пустую, оба стула никем не заняты. Будто специально.

А дождь по-прежнему шел. Все три урока, и когда я возвращалась из школы.

И сейчас идет. Но мне нравится, как он гулко стучит по карнизу, словно печатает бесконечную историю на старинной пишущей машинке, и как чертит линии на стекле. Короткие прямые штрихи и длинные ломаные – это когда набухшие капли сбегают вниз.

Я прижимаю палец к окну и даже через него ощущаю прохладу дождевой воды и пытаюсь вместе с каплей провести извилистую дорожку. Сначала получается рисовать одновременно. Я – с этой стороны, дождь – с другой. Но в какой-то момент капля ускоряется и сбегает вниз почти мгновенно. А я не успеваю за ней.

Ну и что?



Глава 1



То, что Леха с Егором сядут за одну парту, – это без вариантов. Хотели за последнюю у окна, но немного опоздали, и она оказалась занята. Шутить никого не стали, чего уж там. Все-таки устроились за последней, но в ряду у стены. Получилось как на острове. Потому что за первую, вторую и третью уже кто-то уселся, а четвертая пустовала, отделяла от остальных. Правда, чуть позже за нее прошмыгнула какая-то девчонка, совершенно незнакомая.

Новенькая, что ли?

Вполне возможно. Потому что, зайдя в кабинет, она застыла у доски и, словно испуганный зверек, вертела головой, бросая по сторонам короткие растерянные взгляды. А стояло классной, Светлане Сергеевне, с ней заговорить, резко рванула с места, метнулась к свободной парте, как мышка к спасительной норке, плюхнулась на стул у стены и затихла. Что есть она, что нет.

В глазах Егора отразился вопрос: «И что это вообще такое?»

Он вперил критический взгляд в девичий затылок. Затылок как затылок. Светлые волосы чуть ниже плеч, а дальше форменный пиджак. Смотреть не на что.

Но, кажется, девчонка почувствовала его взгляд, едва заметно мотнула головой, передернула плечами, словно ей стало холодно и неудобно.

Егор снисходительно скривился, а Леха сдержанно улыбнулся в ответ. Обычно он улыбался куда более эффектно. Но друг – не девушка, впечатление производить не надо. Хотя и в общении с девушками Леха особо не надрывался. Они легко велись на его мужественную красоту, млели под томным взглядом светло-голубых глаз. А уж от улыбки...

У Лехи и фамилия была подходящая – Томилин. Вот все от него и томились, и плавились. Идеальная внешность – идеальное имя.

Егор тоже не урод. Правда, в плечах чуть по-уже и лицо не такое смазливое. Но девичьего внимания и на его долю хватало, иногда даже с избытком. Но эта мышка своих соседей сзади, кажется, совсем не заметила, не разглядела. Вообще никого не разглядела. Чуть наклонила голову, уставилась в парту. Спряталась. Типа она никого не видит – значит, и ее никто не видит. Ну и ладно. Правила приняты. Хотя... вроде как задевает.

Сядь она на любое другое место, парни о ее существовании, вполне вероятно, даже не узнали бы. Не только в первый день, но и во все последующие, вплоть до самого выпускного. И не заморачивались бы тогда несправедливостью получившегося расклада: ей до соседей никакого дела, они вне ее поля зрения, а она – постоянно у них перед глазами. Спина и затылок. Не хочешь, а увидишь. И внимание обратишь.

Потому что нельзя не обратить внимания на человека, который ведет себя непривычно и странно. То есть общаться ни с кем не желает, лишний раз о своем присутствии не напоминает, одиноко держится в сторонке, а голос подает, только когда ее учителя спрашивают, да и то говорит на пределе слышимости. Если отвечает у доски, до задних парт ее слова долетают неразборчивым шелестом. Опавшие листья под ногами и то громче шуршат. Хорошо, хоть не шарахается и под парту от страха не лезет, когда к ней кто-то близко подходит.

Откуда только взялась такая?

На очередной алгебре Мышка просеменила к своему месту, уселась, выложила необходимое из сумки: учебник, тетрадь, пенал. А потом вдруг вспомнила о чем-то, вскинулась и тихонько улизнула из кабинета.

Девушки с третьей парты развернулись одновременно – скорее всего, чтобы поглазеть на Леху и Егора. Ну и себя лишний раз показать. Надо же пользоваться возможностью, если так удачно сложилось – в один класс попали. Но чтоб не слишком демонстративно, сделали вид, что рассматривают скромные пожитки одноклассницы.

Приблизились головами друг к другу, пошептались, хихикнули, а потом одна из них сцапала Мышкин пенальчик и утянула к себе. Детский сад. Обе сели прямо, как положено. Даже спины выражали полную непричастность, порядочность и озабоченность исключительно уроками.

Парни всё видели, но ничего не сказали. Любопытно же стало. Эксперименты над людьми – вещь, конечно, не очень этичная, но захватывающая.

Мышка появилась за секунду до звонка, ничего не заметила, а спохватилась только тогда, когда Светлана Сергеевна сообщила, что тема сегодня важная, будут разбираться задания, типичные для ЕГЭ. Поэтому слушать внимательно, записывать подробно, ни на что не отвлекаясь.

Девушка завертела головой в поисках пенала, даже провела рукой по парте, словно тот стал невидимым и обнаружить его возможно только на ощупь. Потом полезла в сумку, но и там, само собой, ничего не нашла. И растерянно застыла, ссутулившись, опустив голову. Леха со своего места разглядел, как она закусил губу и вздохнула украдкой. Он озадаченно повернулся к другу, прошептал с недоумением:

– И что? Это все? Так ничего и не сделает? Даже ни у кого не попросит?

Егор равнодушно пожал плечами. А Мышка так и сидела неподвижно, вцепившись пальцами в край парты. Сквозь кожу на тыльной стороне ладони просвечивали синие линии сосудов. Тогда Томилин взял со стола ручку и опять обратился к другу:

– Как хоть ее зовут?

– Без понятия. – Егор во второй раз пожал плечами.

Леха прошептал:

– Эй!

Мышка не отреагировала, не догадалась, что это к ней обращаются. Леха приподнялся, потянулся, осторожно ткнул ее ручкой в плечо, повторил:

– Эй!

Девушка резко дернулась, чуть не подскочила со стула, оглянулась. Но до Томилина ее взгляд так и не добрался, остановился на ручке. А Леха добавил, чтобы уж совсем все стало понятным:

– Держи!

Мышка опять отреагировала не сразу, только через несколько мгновений протянула руку, но даже спасибо не сказала, лишь коротко качнула головой, выражая немую благодарность.

Леха, гордый своим благородным поступком, удовлетворенно улыбнулся и откинулся на спинку стула. Егор критически посмотрел на него и сообщил, в целом без претензий:

– Между прочим, это была моя ручка.

Друг не смутился:

– У тебя же наверняка еще одна есть.

Только после звонка девицы с третьей парты вернули Мышке пенал. Выбрали момент, когда та отвлеклась, засовывая в сумку учебник и тетрадь, вытащили откуда-то, положили ей на парту:

– Это не твой? У нас под столом валялся.

У обеих глазки невинные, так добром и лучатся.

– Мой, – чуть слышно пискнула Мышка. – Спасибо.

Неужели поверила? Ведь поверила. Не возмутилась, не стала разбираться и выяснять подробности. Поднялась, подхватила сумку, направилась в сторону выхода. Голову опустила, смотрела в пол, как бы исключив для себя наличие остального пространства и других людей в нем. А девицы все еще возле своих стульев топтались.

Леха заметил брошенный на него взгляд, поманил рукой. Девушки не рванули торопливо к последней парте, но развернулись всем телом, почти по стойке «смирно» вытянулись, замерли в ожидании. И заулыбались. Одна темненькая, с короткой стрижкой, другая – со светлыми локонами, стянутыми в хвост.

– Еще раз подобное устройте, мало не покажется, – предупредил их Леха. Без всяких там эффектов, грозных интонаций и мрачных взглядов. Произнес негромко и спокойно, даже вполне миролюбиво.

До них не сразу дошел смысл, продолжали глупо лыбиться. Или думали – он шутит?

– Лё-о-ош, – протянула наконец темненькая, округляя глаза.

Они все сговорились, что ли, вот так с придыханием тянуть его имя? Типа чувственно и нежно. Как же бесит!

– Ну это же просто шутка. Прикольно же.

– Ага. Хотите прикалываться, так давайте друг над другом.

Светленькая поджала губы, гордо задрала подбородок, а темненькая обиженно захлопала ресницами. Но ничего не сказали, собрали пожитки и удалились. Хотя на самом деле Леха связываться с ними не стал бы, рассчитывал только на словах припугнуть. Не дуры же, сделают выводы.

Егор тоже молчал, наблюдая с ленивым интересом. Потом поднялся медленно, закинул на плечо ремень сумки:

– Откуда вдруг столь возвышенные порывы? Любил он время от времени выдавать пафосные фразы. Леха иногда даже не понимал, о чем друг говорит. Но сейчас-то все было предельно прозрачно. Если перевести на нормальный язык, вопрос прозвучал бы примерно так: «С какого перепугу ты за эту неменяемую заступаешься?»

А ответ оказалось подобрать не так-то просто. Леха запустил пятерню в волосы на затылке, взлохматил их. Не помогло.

– Да фиг знает. Захотелось.

Кабинет физики находился в соседней рекреации, так что далеко идти не понадобилось. Мышка уже сидела на своем месте, уткнувшись в учебник. Проходя мимо нее, Егор притормозил, коснулся пальцами уголка тетради:

– Можно, я возьму? На секунду.

Девушка вскинула голову, посмотрела изумленно и недоверчиво, но Егор не стал дожидаться ее разрешения. Он уже держал тетрадь в руках, пробежал глазами по надписи на обложке.

– Лех, запоминай: Ерганова Олеся, – вслух прочитал имя и сразу положил тетрадь на место.

– Запомнил, – откликнулся друг. – Олеся-Леся, – прислушался к звучанию. – Вполне.

И почти сразу в дверях обрисовалась Лара. Обвела взглядом класс, нашла нужный стол, ринулась вперед, решительно отодвигая оказавшихся у нее на пути. Она и раньше училась в параллельном, и опять так сложилось. А жила с Лехой в одном доме, в соседнем подъезде, знала его чуть ли не с раннего детства. Потому и пользовалась правами давней-давней знакомой, боевой подруги еще со времен войн в песочнице. Подошла, плюхнулась на свободный стул рядом с Олесей, оглядела оценивающе случайную соседку, но ничего примечательного не нашла и развернулась лицом к последней парте.

– Леш, – обратилась Лара к Томилину, – ты меня дождешься после уроков? Софочка мне каких-то книг наволокла для исследовательской работы. – Она закатила глаза к потолку, развела руками. – Словно я сама в инете найти не смогу.

И уставилась на Леху с надеждой, с ожиданием. Но ответить он не успел – Егор вмешался.

– Лара, – изрек назидательно, сделав умное лицо, – о тебе беспокоятся, а ты недовольна. Инет – это большая помойка. А тебе предлагают проверенные временем источники информации.

– Ага, – легко согласилась девушка, – заодно и мышцы подкачаю, пока волоку.

– Ну да. – Егор сделал еще более умное лицо, хотя, казалось бы, куда уж больше. – Область применения книг безгранична.

– Ой, Воронов, согласна. Вот одно из применений.

Лара схватила лежащий возле ее локтя учебник и легонько хлопнула им Егора по лбу. Он не обиделся и даже почти не обратил внимания, потому как в момент удара внутри у него что-то утробно загудело. Егор выудил из кармана мобильник, развернулся в проход. Молча слушал, прижимая телефон к уху, потом произнес:

– Понял все. Забегу часиков в шесть. Нормально?

Он оттолкнул Ларину ладонь, тянувшуюся к его мобильнику. Сама Лара даже со стула приподнялась, ехидно нашептывая:

– Воронов, Воронов, кто это? Поклонница, истосковавшаяся по большой и страстной любви?

Чтобы избавиться от ее навязчивого вмешательства, Егор встал с места, шагнул к стене, привалился плечом.

– Могу пораньше. В пять? В четыре? Ладно.

– О-о-о! – с деланным пониманием протянула Лара. – Совсем невтерпех.

Егор убрал мобильник от уха, мельком глянул на Лару, а потом уставился в экран. Сосредоточенно чиркая по нему пальцем, снова заговорил негромко, с прежней нарочитой назидательностью, только уже холодно-безразличной:

– Ты неправильную тактику выбрала, Сосновская. Зря стараешься. Тут я – не вариант. Ко мне тебя Леха ревновать не будет.

– Очень надо! – фыркнула Лара. Хотела, чтобы получилось невозмутимо, но все-таки было заметно, что его слова ее задели. Потом повернулась к Томилину. – Лё-о-ош! – И эта туда же! – Ну ты же меня проводишь?

– Конечно, – не раздумывая, подтвердил Леха.

– Тогда жди у гардероба после уроков.

Лара улыбнулась довольно и сорвалась с места, подгоняемая звонком. Егор сунул в карман мобильник, вернулся за парту.

– Ну что, опять впрягся?

– А-а, – протянул Леха беззаботно. – А чего бы я ей сказал? Тащи сама?

И после уроков он честно ждал, как договорились, возле гардероба. Егор постоял вместе с ним, но, заметив выворачивающую из-за угла Лару, бросил короткое: «Ну, пока!» – и направился к выходу.

– Минут через пятнадцать, – загадочно бросил ему вслед Леха.

Но Егор только рукой махнул. То ли хотел сказать, что не забыл, то ли дал понять, что ему неинтересно. Лара особо в происходящее не вникала. Протянула Томилину пакет с книгами:

– Сейчас. Только переоденусь.

А пакет не такой уж и тяжелый оказался. Похоже, что и книжка-то всего одна – можно было спокойно в сумку засунуть. Опять Лара поводы ищет? Но все равно идти в одну сторону, к одному дому. Так какая разница? Леха даже в подъезд с ней вошел, поднялся на нужный этаж.

Лара открыла дверь:

– Заходи.

А в глазах опять вопрос и ожидание.

Томилин кивнул, но как-то вдруг замялся на пороге. Только хотел переступить – у него загомосил мобильник. Леха быстро поставил пакет на пол в прихожей, специально наклонился вперед, поднес к уху телефон.

– Ага, уже иду. – Леха отодвинул мобильник в сторону, чтобы не говорить в микрофон, а сообщить исключительно Ларе, с выражением раскаяния на лице: – Извини, бежать надо.

И сразу развернулся, не дожидаясь ответа и не прощаясь, заскакал вниз по лестнице, опять прижав телефон к уху, но ничего не говоря. И, только услышав, как хлопнула дверь квартиры, сказал собеседнику:

– Мог бы секунд на двадцать пораньше... Да не. Не успела. – Хохотнул беспечно. – Ладно. Потом сочтемся.



Глава 2



День получился не осенний, а по-настоящему летний. Безветренный, сияющий голубизной безоблачного неба, даже жаркий. Будто солнце спохватилось и решило избавиться от излишков сэкономленного за лето тепла. Но в кабинете химии всегда царила прохлада. Размеры он был внушительного, окна выходили на север, а парты больше напоминали лабораторные столы, покрытые огнеупорным пластиком. Он тоже охлаждал. Особенно зимой, в морозы.

Урок, как обычно, начался с опроса. Химичка Евгения Александровна обвела задумчивым взглядом класс, посмотрела в окно. Наверное, сомневалась, стоит ли соблюдать традиции. Может, вообще забыть на предмет и просто поболтать о жизни? Но нет, решила следовать установленному распорядку.

– Про теорию Бутлерова нам расскажет... – Евгения Александровна не стала заглядывать в журнал, выбрала сидящую прямо перед ней на первой парте девушку. – Ковалева.

Та распрямилась стремительно и резко, словно только и ждала, когда ее вызовут, сделала несколько шагов вперед, открыла рот, но химичка ее остановила.

– А пока Ковалева рассказывает, кто-нибудь выполнит задание на доске. И это будет... – Учительница пробежала глазами по столбику фамилий в журнале сначала сверху вниз, потом снизу вверх. – Воронов.

Егор поднялся, неторопливо двинулся по проходу.

– И пожалуй, еще... – Очередная пауза, замерший класс, взгляд, повторяющий прежний маршрут по списку – сначала вниз страницы, потом вверх. – Ерганова. Олеся, ты слышишь?

Она слышала. Просто не вскакивала моментально, как остальные, словно все еще надеялась, что произошла ошибка или что учитель передумает выдергивать ее с места, оставит в покое. Тогда она и дальше сможет сидеть тихонько, спрятавшись от постороннего внимания, а не будет торчать у доски под прицелом чужих взглядов. Но Евгения Александровна не передумала, и Олеся пришлось вставать, идти.

– Воронов – задание номер восемь, Ерганова – номер десять, – распределила химичка, потом повернулась к отвечающей: – Слушаем тебя, Ковалева.

Ковалева старательно бубнила, а Егор увлеченно чертил формулы изомеров. Было в этом рисовании мелом, невзирая на урок и грозящую оценку, что-то беззаботное, наивно-радостное, из детства. Так и тянуло под конец изобразить дурацкую рожу и приписать: «Томилин – ...»

Егор усмехнулся, глянул на другую половину доски.

Там почти пусто. Олеся стоит, уперев мел в темно-зеленую поверхность, и не шевелится, словно окаменела.

Егор незаметно придвинулся:

– Ты чего застыла?

Услышав рядом его голос, Олеся знакомо опустила голову и качнулась в сторону, чуть-чуть, как будто он не спросил, а замахнулся. Или ей стало жутко стыдно? Хотя кто сейчас стыдится из-за неправильных ответов у доски?

Все-таки прошептала:

– Я забыла, как массовую долю обозначают. Наверное, всю силу воли вложила, чтобы выдать из себя эту фразу. Ну что за странное существо?

– Двоечница, – снисходительно бросил Егор.

Прочитал задание в учебнике, оглянулся через плечо и, убедившись, что Евгения Александровна смотрит в другую сторону, исправил коэффициент в одном из составленных Олесей соединений, а затем торопливо написал формулу для расчета целиком.

– Сама дальше сделаешь?

– Ага.

Олеся застучала мелом по доске, белая пыль посыпалась вниз. Егор дорисовал последний изомер, про дурацкую рожу уже не вспомнил. Тем временем Ковалева отмучилась и направилась к своей парте, а химичка развернулась в сторону доски. Начала она почему-то с Олеси, хотя та еще дописывала последние цифры. А ведь гораздо логичнее было бы по порядку номеров спрашивать.

– Ерганова, объясни нам, почему в первой формуле один атом кислорода?

В той самой, которую Егор исправил.

Олеся смешалась. Отчего? Не знала ответа? Или подумала, что он ошибся, невольно подставил ее? Ведь не скажешь же теперь: «У меня по-другому было. Это Воронов поменял». Стояла молчала, смотрела на формулу, будто ждала, что та сама ответит. А химичка смотрела на нее, потом качнула головой, проговорила одновременно и подбадривающе, и нетерпеливо:

– Слушаю.

– Да потому, что здесь валентность углерода равна двум, – уверенно выдал Егор.

Евгения Александровна перевела взгляд на него:

– Воронов, я разве тебя спрашивала?

– Ну-у... – протянул Егор невозмутимо. – А зачем вообще спрашивать? И так же все очевидно.

– Но мы же вроде в школе на уроке, – напомнила учительница с наигранным негодованием. – Имею законное право вопросы задавать. Ты ведь не будешь возражать? Правда, Олеся? – И, поймав взгляд девушки, Евгения Александровна продолжила: – Тогда скажи, почему при расчете взяла именно такое значение коэффициента.

На этот раз Егор не стал дожидаться:

– Так ведь...

– Воронов, мне обе оценки тебе ставить? – перебила его учительница.

– На кой мне сразу две? – возмутился Егор. – Я не жадный. Могу поделиться. – Он указал большим пальцем на Олесю. – Да она все знает. Просто стесняется.

– Понятно. – Евгения Александровна поджала губы, сложила руки в замок. – А ты у нас, как благородный рыцарь, не можешь пройти мимо, если дама попала в беду? Тогда объясняй обе задачи. Справишься – двойки у Ергановой не будет.

– Да не вопрос. Тем более она действительно сама решала. Я видел.

Конечно, он объяснил. Не обращая внимания на то, что Олеся пыталась возразить.

Заставить ее замолчать было легче легкого. Достаточно поймать взгляд и посмотреть пристально. Тогда она сразу опускает голову, прячется. Так ежик в клубок сворачивается. Только он колючий, не подступишься, а эта...

Когда Егор вернулся за парту, Леха встретил его удивленно приподнятыми бровями:

– С чего вдруг?

Хотел повторить недавние слова Егора, но не вспомнил точно, какую фразу тот завернул тогда. Все равно ведь по смыслу получилось похоже.

Друг потер ладони, избавляясь от остатков меловой пыли, проговорил невозмутимо:

– Евгения же все объяснила. Про рыцаря.

Леха ухмыльнулся.

– Ну-ну, – произнес многозначительно.

У кого на чем отношения строятся. Например, с Ларой у него – на давнем соседстве и знакомстве еще со времен младенчества. А вот с Вороновым – на нескончаемом соревновании, в котором призом может стать что угодно. Ну или кто угодно. Как уж сложится. Даже если приз не особо ценный – поставить на полочку и забыть. Главное, что в процессе интересно. И лишние слова не нужны, когда правила давно установлены. Никаких обсуждений и разговоров, хватает красноречивого взгляда.

У Лехи приподнялись уголки рта, обозначив улыбку, чуть неприязненную, чуть вызывающую. А Егор, наоборот, сжал губы, прищурился. В темно-синих глазах заплескались бесы. Ну к чему тут слова?

К обеду солнце особенно разъярилось, старательно прогревало воздух, асфальт, стены домов и все остальное, будто расплавить пыталось. Физкультура на улице – как отдушина. Потому что на улице хорошо, а в классах, окна которых выходят на солнечную сторону, – вплоть до мучительно. Особенно в маленьком кабинете истории, особенно после десяти кругов по стадиону.

Даже проветривание не помогало. Если просто открыть окно – никакого эффекта. Если окно и дверь – получался сквозняк, и с учительского стола дурными белыми птицами постоянно вспархивали какие-то листочки. А дверь время от времени норовила захлопнуться с оглушительным грохотом. Вот и страдали десятиклассники, по-настоящему страдали. Совсем размлели и едва не засыпали.

Большинство давно уже стянуло пиджаки (некоторые их даже надевать не стали после физкультуры), парни ослабили узлы галстуков. Наверное, одна Олеся осталась в полной форме. Как-то неудобно было – раздеваться в классе, при всех.

К концу урока воздух стал тяжелым и плотным. Вдыхаешь его и понимаешь, что бесполезно. Все равно что водой дышать. Олеся с трудом переносила духоту. Над верхней губой выступили капельки пота, хотелось уронить голову на парту, закрыть глаза. Как в кино показывают, когда где-нибудь – на космическом корабле или в подводной лодке – заканчивается запас кислорода. И члены экипажа сидят на полу, прислонясь спиной к стене, с волосами, прилипшими к мокрым лбам, и постепенно засыпают, чтобы больше никогда не проснуться.

Звонок прозвенел, а даже обычного оживления не получилось. Движения ленивые, будто при замедленной съемке. Или Олесе это только кажется? Нужно скорее выйти в рекреацию, там свежее.

Она почти достигла двери, когда от учительского стола долетело:

– Ерганова, подойди сюда!

Все-таки услышала, хотя в уши словно ваты набили. Подошла.

– Олеся...

А дальше какое-то сплошное «бу-бу-бу». Или она окончательно оглохла, или мозг отказывался работать при спертom воздухе. Это так и называется – кислородная недостаточность.

Олеся не разбирала слов, но старательно кивала, чтобы учительница отвязалась побыстрее. И каждую секунду ей хотелось выдохнуть умоляюще: «Можно, я пойду?», но она никак не решалась.

Спине в одно мгновение стало нестерпимо жарко, и она тоже промокла от пота.

– Ну хорошо. Иди, – пробилось сквозь вату в ушах.

– До свидания!

Олеся торопливо развернулась, устремила к выходу, сделала шаг, другой и поняла – больше не получится.

В ногах тоже вата, и потому стоять на них невозможно – они складываются, сминаются. Перед глазами мелькают темные пятна.

Не хочется падать в обморок на виду у всего класса. Олеся попробовала сосредоточиться, взять себя в руки, перебороть слабость. Если бы хоть какая-то опора рядом: стол, стена, еще лучше стул, чтобы можно было сесть. Но вокруг пустое пространство. Не получилось перебороть. Последнее, что Олеся услышала, – чей-то испуганно-удивленный вскрик.

Темнота, тишина. А потом опять появились звуки:

– У нее припадок?

– Может, она болеет чем-то?

– А может, она... это...

– Петриченко, думай, прежде чем сказать. За врачом сбегайте кто-нибудь.

– Не надо бежать, – перекрыл бестолковые разговоры уверенный голос. – Медкабинет в двух шагах. И чего, она так и будет на полу валяться?

Олеся почувствовала чужие руки под спиной и коленями: они обхватили, приподняли вверх.

– Да расступитесь вы!

А дальше восторженный девичий вздох:

– Лё-о-ош!

Оттого что голова безвольно запрокинулась назад, шее стало больно. Но Олеся совладала с мышцами, подняла голову, ухватила рукой за томилинское плечо. Попыталась сказать: «Не надо! Отпусти!», но пересохшие губы никак не хотели разлепляться. Потом все-таки получилось, но Леха возразил:

– А если опять упадешь?

– Нет. Здесь уже не так душно.

– Ну смотри.

Леха поставил ее на пол, но продолжал придерживать. На всякий случай.

Они стояли прямо перед дверями медкабинета. Входить в него Олесе не хотелось, но подоспела бледная от переживаний историчка, распахнула дверь.

– У нас тут девочка в обморок упала! – сообщила сидевшей за столом медсестре.

Та повернула голову, поинтересовалась, глядя на Олесю:

– Она?

– Она, – подтвердил Леха и аккуратно протолкнул одноклассницу в кабинет.

– Садись скорее, не стой. – Медсестра указала на металлический стул. – Какая-то ты и правда зелененькая. – Она подошла, коснулась ладонью влажного Оlesiного лба. – Температуры нет. Даже, скорее всего, пониженная. И слабость. Не после больничного? – Оглянулась на Томилина, который все еще топтался возле дверей. – А знаешь, пойдём-ка в процедурную. Там кушетка. Полежишь, придешь в себя окончательно. Заодно давление измерим.

Медсестра подхватила Олесю под локоть, помогла подняться, отвела в соседнюю комнату. Хотя девушка уже оправилась, спокойно и сама бы добралась. А еще лучше – отправилась бы домой.

– Ложись, не стесняйся. Рассказывай, что с тобой произошло.

Олеся опять повторила про духоту, про то, что с ней иногда случается подобное. Главное, вовремя сесть, и тогда все проходит. Она просто не успела до стула добраться. А так все нормально.

– Ну и хорошо, – заключила медсестра. – Вот и полежи немного. Насыщайся кислородом. Хочешь, можно лед ко лбу приложить? Чтоб еще быстрее полегчало. Принести?

Лежа качать головой оказалось не очень удобно, и Олесе пришлось сказать:

– Нет.

– Как знаешь, – легко уступила медсестра. – Только температуру и давление все-таки измерим.

Олеся сдалась под ее ласковым напором, взяла протянутый ей градусник, потом смиренно сунула руку в манжету тонометра.

– В целом не критично, – констатировала медсестра. – Жить будешь. Долго и счастливо. – Улыбнулась. – Не терпится сбежать? – Она запросто угадала Олесиные мысли и даже подтверждения не стала дожидаться, разрешила: – Тогда можешь вставать.

Сама поднялась первой, подошла к двери, распахнула. Леха по-прежнему торчал в соседней комнате – сидел на стуле, вытянув длинные ноги.

– Томилин, ты еще здесь? Вот и отлично. Проводишь одноклассницу домой?

– Само собой, – не раздумывая ни мгновения, подтвердил Леха и с готовностью подскочил со стула.



Дневник Олеси



Я не хотела, чтобы он меня провожал. И это неважно, кто он. Я просто не хотела, чтобы меня хоть кто-то провожал. Я люблю ходить одна. Тогда я точно уверена, что не сойбьюсь с пути.

Может, странно, но я еще ни разу не заблудилась, даже в незнакомых местах. Я всегда добираюсь, куда мне надо. Но только если одна, я уже говорила. Правильно поворачиваю, иду по нужным улицам и никогда не спрашиваю дорогу у случайных прохожих.

Наверное, у меня сохранились древние звериные инстинкты. Как у собаки, которая, даже если ее увезти за много километров, все равно возвращается домой. Или у перелетных птиц, которые родились весной, а осенью знают, куда им лететь, и не сбиваются во время долгого пути через моря и страны.

Шучу, конечно. Но мне и правда не нужно, чтобы меня кто-то провожал.

А медсестра не согласилась, сказала, что не может отпустить меня одну в подобном состоянии, но может родителей вызвать, чтоб забрали.

Ну и зачем их дергать из-за ерунды?

Папе добираться с работы больше часа, да и вряд ли он сможет сорваться с места. И мама тоже. А еще она наверняка испугается, когда ей скажут, что мне в школе стало плохо. Сразу накрутит себя.

С ней тоже бывает почти как со мной. От страха перестает слышать, точнее, воспринимать смысл сказанного. Сама додумывает и сходит с ума.

Я и одна спокойно дошла бы. На улице не душно. И если что, я всегда найду, куда присесть, – на скамейку во дворе, на ограду палисадника. Даже на поребрик.

Вот так всегда. Написать я много могу, особенно после того, как что-нибудь случится. А сказать в тот момент только и смогла:

– Они на работе.

– Вот видишь! – сразу воскликнула медсестра. – Так что Алексей – идеальный вариант. Еще и все девчонки тебе позавидуют.

А зачем это? Чтобы мне кто-то завидовал? Наверное, кто-то получает от этого удовольствие. Но не я. Меня гораздо больше устраивает, когда обо мне не говорят, не думают. Не знают.

И зачем этому Леше так нужно было меня провожать? Он ждал в медкабинете, пока медсестра меня осматривала. Был бы смысл, если бы он захотел загнать урок. Вроде же уважительная причина. Но история – последняя, закончилась – и можно идти домой.

Но он ждал, а потом шел рядом, едва не касаясь локтем. И все было не так. Я шла не туда, куда мне надо, а за ним. Просто сейчас его путь совпадал с моим. Но я уже не думала: «Надо свернуть за угол, спуститься по лестнице, дойти до гардероба». Я просто тащила следом.

А возле гардероба ждал другой. Егор. Они всегда вместе, в школе по крайней мере. И он тоже отправился меня провожать.

Интересно, сколько раз в этой записи встречается слово «зачем»? Добавить еще одно или так понятно?

В общем, мы шли по улице к моему дому. Леша – с одной стороны, Егор с другой. И я между ними. Нет, не словно под конвоем. Совершенно неподходящее сравнение. Но почему-то мне было неудобно. Даже не знаю, как толком объяснить.

Ну, будто идешь по узкому коридору. Выбор ограничен: либо только вперед, либо только назад. И ведь прекрасно знаешь, что за стенками тоже есть пространство, очень большое пространство. Но у тебя к нему нет доступа. Маршрут уже проложен, не свернешь, где захочешь. От свободы лишь видимость. Либо вперед, либо назад. Но обязательно-обязательно-обязательно между.



Глава 3



Утром возле гардероба Олеся наткнулась на Томилина. Леха увидел ее, улыбнулся, как улыбался всем подряд, воскликнул:

– О, привет! Как ты?

Олеся торопливо отвела взгляд, но все же ответила:

– Хорошо.

– А я бы на твоём месте школу загнул, – доверительно поделился Леха. – После вчерашнего никто даже спрашивать не стал бы, почему тебя не было.

Олеся отрицательно мотнула головой.

В школе, может, и не спросили бы, а дома – обязательно. И тогда пришлось бы рассказать маме про обморок, и она бы опять переполошилась. Она всегда так переживает, как бы с Олесей чего плохого не случилось. Ещё и врача бы вызвала или в больницу потащила, выпросила бы у терапевта кучу направлений на обследования и анализы, накупила бы лекарств: иммуностимулирующих, укрепляющих, витаминов.

Уж лучше в школу.

– Ну, как знаешь!

Леха подхватил сумку со скамейки, направился в сторону лестницы, бросив очередной «привет» оказавшейся поблизости Ларе. Та не ответила, просто ручкой махнула, а смотрела в это время на Олеся, чуть прищутив глаза. Провожала ее взглядом, пока та не скрылась за вешалками.

До звонка оставалось совсем чуть-чуть, почти все уже разошлись. Олеся, повесив куртку и пакет со сменкой, поспешно направилась к выходу и в дверном проеме столкнулась с Егором. Она хотела выйти, он – войти.

Увидел ее и сделал шаг в сторону, пропуская. Всего один шаг. Если двинуться первой, придется проскочить совсем близко, наверное, даже соприкоснуться. Олеся прижала сумку к груди, локти к бокам, стараясь занять как можно меньше пространства, и все равно не тронулась с места.

Так и стояли напротив друг друга, наверное, с минуту. Словно не перед дверным проемом, а перед зеркалом, и глупо ожидали от отражения самостоятельного действия.

– Ну что за фигня? – не выдержал Егор.

Решительно шагнул в проем. Олеся не успела отступить, и Егор отодвинул ее с дороги, ухватив за плечо. Она вжалась в чужую одежду, почти уперлась затылком в металлический крючок. На другое плечо съехал красный капюшон, тоже запросто, бесцеремонно. А Егор повесил куртку и сразу направился назад к выходу, даже не посмотрев в сторону Олеся, как будто

она бесследно утонула в этом одежном океане или превратилась в обычное невзрачное пальто, висящее на крючке.

Теперь проход был свободен, в гардероб больше никто не стремился, даже опаздывающие уже все прошли. Олеся спокойно миновала дверной проем и вдруг услышала:

– Ну наконец-то. А то я подумала, ты там заснула.

Слова заглушила электронная трель звонка, но, стоило смолкнуть последним отзвуком, Лара потребовала решительно:

– Пойдем!

А сама не двигалась с места, да еще стояла на пути. И зачем она вообще Олеся дожидалась? Они же в разных классах, им точно не по дороге. Но, кажется, Лара и не собиралась на урок, кивнула в сторону гардероба и повторила еще требовательней:

– Пойдем!

– Зачем? – еще больше удивилась Олеся.

– Поболтать надо, – сообщила Лара.

– О чем?

Олеся сильнее стиснула ручку сумки. Она не могла объяснить себе, что происходит, а это рождало еще большую тревогу и настороженность.

– Сейчас узнаешь. Я все расскажу. – Внешне Лара выглядела вполне спокойной, да и голос ее звучал сдержанно и ровно. – Просто здесь может кто-нибудь из учителей увидеть. А внутри нас не заметят. Ну, пойдем.

– Ладно, – согласилась Олеся и второй раз вошла в гардероб.

Лара за ней, произнося на ходу:

– Давай туда, до конца, в самый угол. Там точно никто не увидит.

Олеся послушно дошла до самого дальнего угла, остановилась, вопросительно посмотрела на Лару, а Лара улыбнулась, точнее, усмехнулась, чуть прищурилась.

– А теперь слушай и запоминай. – Голос по-прежнему был ровным, но еще холодным и твердым. – Про Томилина даже не думай. А лучше совсем не смотри в его сторону. И не надейся. Он – мой! Поняла?

– Я... – Олеся пыталась возразить. У нее и в мыслях не возникало ничего из того, что ей Лара сейчас приписывала. Она не то что не надеялась, она и не думала ни о чем подобном. – Я не...

Но Лара перебила:

– Ну ты, да, ты. Самой-то не смешно? Случайно оказалась рядом и сразу губищу раскатала. Овечкой несчастной прикидывалась, чтобы Лешенька тебя пожалел, защитил. Еще додумалась в обморок перед ним упасть. Приятно на ручках кататься? Заодно и потрогала, поприжималась. И как на ощупь? Понравилось?

Олеся молчала, совсем растерялась от Лариного напора. Она и не слышала половины слов, зато ощущала. Они обретали материальность, наливались силой и злостью. Каждая фраза била по щекам напряженной, безжалостной ладонью. Мысли Олеся испуганно металась. А ведь можно было объяснить, что это глупо: терять сознание перед всем классом, рассчитывая на помощь конкретного человека. И чужие прикосновения не могут понравиться. Это, наоборот, противно, особенно когда не спрашивают твоего разрешения. И громкие слова – тоже как прикосновения. Хочется защититься от них, оттолкнуть, в крайнем случае перетерпеть, постараться не чувствовать. Будто это не ты, будто это не с тобой, будто ты не здесь. В другом мире. Где пусто и спокойно. Где робко стучится в окно дождь, заглушая все остальные звуки.

– Но только попробуй еще такой номер отколоть. Я тебе устрою медпункт плюс «неотложку». Так что даже не мечтай, я тебе Томилина не отдам. Никому больше не отдам! Его как раз эта дура бросила, и я свой шанс не упущу. А ты, если очень надо, Вороновым займись. Он сейчас свободен. И даже если не свободен, его на всех хватит. А к Леше не лезь. Поняла?

Лара ждала ответа, и в интересах этой зашуганной Олеси было смиренно согласиться – и чем быстрее, тем лучше. Но она молчала, прятала глаза.

Совсем, что ли, страх потеряла? Или, наоборот, мозги вырубил с перепугу?

– Ты поняла? – почти крикнула Лара, хотя до этого пусть и громко, но шептала, боясь привлечь постороннее внимание.

Вцепилась в плечи, тряхнула с силой, так что Олеся ударилась затылком о стену. Даже в голове загудело, и, наверное, поэтому слова вырвались сами:

– Он мне не нужен.

Никто не нужен. Ни Томилин, ни Воронов.

Больше всего Олесе хотелось сейчас убежать домой. В квартире пусто, нет никого. Совсем никого. Родители на работе, а посторонних там быть не может. И еще там тихо. Но можно включить воду, и тогда получится почти шум дождя.

Струи стучат по ванне, словно по карнизу, брызги разлетаются в стороны, капли скатываются по белой эмали точно так же, как по стеклу. Но их можно поймать, преградив путь подушечкой пальца, а потом отпустить на свободу. И дома никто не будет орать:

– Да не ври!

– Я не вру! – Олеся тоже крикнула в отчаянном желании хоть как-то укрыться от несущейся на нее лавины чужого негодования, несправедливых, нелепых обвинений.

И Лара действительно отступила, засомневалась, озадачилась:

– Да ладно...

Она не поверила, по крайней мере не до конца. Впиалась взглядом, тщательно обследовала каждую черточку на Олесином лице, желая отыскать признаки притворства. И не нашла.

А ведь правда. И не подумаешь, что у этой пришибленной есть какие-то тайные мысли. Глазенки вылупила, того гляди выпрыгнут от испуга. Личико бледненькое, губенки приоткрыты, будто задыхается или хочет завопить от ужаса. Жалкое зрелище. Неужели Томилин, у которого от девушек отбоя нет, мог на подобное соблазниться? И как Ларе в голову пришли настолько глупые мысли?

– Он тебе серьезно даже не нравится? – уточнила Лара на всякий случай.

– Серьезно, – кивнула Олеся.

– Ну смотри. Я тебя предупредила, ты мне пообещала.

На самом деле пришибленная ничего не обещала, но это так, частности. Пусть думает, что Лара восприняла ее испуганное блеяние как клятвенное заверение: с Томилиным у нее ничего нет и быть не может. И пусть только попробует возразить, что ничего подобного она не говорила.

Возможно, стоит для надежности припугнуть ее еще пару разочков. Не слишком сильно, а чтобы окончательно поняла. Даже самой не обязательно этим заниматься, всегда найдутся девчонки – любительницы подшутить над тем, кто прямо напрашивается на «шутки». Особенно среди томилинских поклонниц, не терпящих новых соперниц. Намекнешь им, что какая-то убогая дурочка положила глаз на их обожаемого Лешеньку, а уж они сами придумают, как отбить у нее охоту заглядываться на чужого парня.

– Так мы договорились?

Лара пристально посмотрела на Олеся, та опять согласно кивнула.

Вообще-то спрашивать было не обязательно, но до конца урока оставалась еще уйма времени, и девать его было некуда. Так и придется торчать в гардеробе. По школе не побродишь, на этажах отсиживаться опасно. Лара устроилась на подоконнике, а пришибленная так и стояла в уголке, вцепившись обеими руками в ручку своей сумки, смотрела в пол. Она ведь тоже не могла никуда уйти.

Немного глупо после того, как наехала на человека, коротать в его обществе время. И скучно просто так сидеть, без дела. Лара посмотрела в окно.

Даже не подумаешь, что вчера было солнечно и тепло. Сегодня пасмурно и сумрачно, холодный ветер раскачивает ветки деревьев, срывает желтеющие листья. Оконное стекло временами вздрагивает от резких порывов. На улице пусто, совсем пусто, будто все вымерли. Тоска.

– Ты новенькая, что ли? – не выдержала безмолвия Лара. – Я тебя раньше не видела.

– Я в «А» училась, – чуть слышно проговорила Олеся.

– Ясно. – В параллели было четыре класса, куча народу. Каждого знать Лара не обязана, но... – Так «А» вроде с нами объединили.

– Перебор получился.

– И ты с радостью поскакала в другой класс. Чтобы оказаться поближе к Леше. Еще и уселась на соседнюю парту.

– Нет. Я про него даже не знала.

– Правда? – Лара не сдержала насмешливой улыбки. – Со зрением, что ли, проблемы? Или...

Она хотела добавить: «с головой». Но даже прикалываться над этой тихоней скучно чуть ли не до зевоты. Она опять втянет голову в плечи, спрячет глаза, а однотипная реакция быстро надоедает.

Лара еле дожила до звонка, скорее рванула из гардероба. А Олеся не сразу сдвинулась с места. Ноги затекли от долгого стояния, и спина почти выросла в стену.

У кабинета математики она оказалась в одиночестве, встала у окна, дожидаясь, когда с урока вывалит предыдущий класс, наверное шестой. И еще немного подождала, пока не появились первые одноклассники, только потом вошла, села на место, вздохнула глубоко и успокоенно. Но тут возник Леха, заметил ее, остановился.

– О, Лесь! А ты где была? – Особо не задумываясь, плюхнулся на соседний стул, повернулся к девушке: – Я же видел, что ты к первому уроку пришла.

Олеся сдвинулась на краешек стула, подальше от Томилина, торопливо схватила учебник, открыла наугад, уставилась в строчки.

Томилин не понял, ничего не понял, даже не подумал подняться и пересесть на свое место. Наоборот, опять полез с вопросами:

– Лесь, ты почему молчишь?

Подошел Егор, тоже остановился возле Олеси, с интересом наблюдая за происходящим.

Один с одной стороны, второй – с другой. Опять как в тисках. И вообще никуда не денешься, потому что теперь нет дороги ни вперед, ни назад. И там и там – парты. Олеся сосредоточилась на тексте, попробовала читать, пытаясь отгородиться от окружающего, но слова сливались, прыгали по строчкам, теряя смысл.

– Лесь, ты что, на меня обиделась? – прилетело слева.

И почти тут же справа:

– Лех, ну чего ты привязался? Пошли лучше на место.

Да! Егор озвучил Олесиные мысли, но при этом – зачем? – положил ладонь ей на плечо.

Она вздрогнула – как-то само получилось. Внешне, может, и незаметно, но лежащая на плече рука ощутила точно. И почему-то не поспешила убраться, задержалась еще на несколько мгновений, а потом медленно скользнула прочь под внимательным взглядом Лехи Томилина.



Глава 4



Каждая физкультура – как маленькое испытание. Надо не просто находиться рядом с различными тебе людьми, а еще и что-то делать под пристальными чужими взглядами. Причем обычно то, что не очень-то получается и совершенно не нравится: бегать, прыгать, выполнять разминочные упражнения.

Когда начинались командные игры, Олеся просто отходила в сторону, усаживалась на трибуну. Раньше физрук интересовался:

– А ты почему сидишь? Не скучно тут одной? Не скучно. Наоборот. Привычно и спокойно. Но вслух Олеся говорила другое, и неважно, во что играли одноклассницы – в волейбол, ручной мяч или в баскетбол:

– Не хочу другим мешать. У меня плохо получается.

– Так никогда и не получится, – назидательно заявлял физрук, – если все время на лавочке сидеть. На то и уроки, чтобы учиться. Это же не соревнования, не олимпиада.

Но, конечно, насильно на поле не выталкивал. А потом махнул рукой и вообще перестал подходить.

Трибуны на школьном стадионе самые обычные – под металлической крышей три ряда скамеек без спинок, амфитеатром. Олеся устраивалась на самой нижней. С нее неба видно больше.

То, что происходит на поле, совсем не интересно. Ну, бегают с мячом, толкаются, орут, сердятся. А вот на все остальное – дома, деревья, облака – можно смотреть бесконечно, каждый раз находя что-то особенное. Но сегодня не получилось «как обычно».

– Вячеслав Михайлович, а у нас в команде на одного человека меньше. Не честно! – раздалось раньше, чем Олеся успела дойти до трибуны.

Физрук преградил дорогу.

– Ерганова, ну давай уже, в конце-то концов, – не столько настаивал, сколько просил и подбадривал: – Поддержи одноклассниц. Хватит уже отсиживаться. А, Олесь? Давай-давай-давай! – Осторожно ухватил за плечи, развернул, подтолкнул в спину, одновременно отвечая: – Петриченко, ты просто не всех посчитала. Вот еще Ерганова с вами.

– Чего? – Наташа, та самая, что сидела за третьей партой перед Олесей, озадаченно свела брови. Будто физрук ей анекдот рассказал, а она так и не поняла, где надо смеяться. Не смешно потому что. – Да от ворот больше толку, чем от нее. И под ногами не мешаются.

– Петриченко, не выступай, – одернул Наташу физрук. – Сама же жаловалась, что игроков не хватает.

Но та хмыкнула, безнадежно махнула рукой:

– Да пусть лучше не хватает, чем она. Да вообще это же одно и то же. И так и так – пустое место.

– Петриченко! – Вячеслав Михайлович осуждающе повысил голос.

Но Наташа уже развернулась, зашагала по полю прочь. И остальные девчонки потянулись за ней. А физрук только проговорил растерянно:

– Эх, Ерганова!

Будто Олеся во всем виновата. Но она...

Ей все равно. Пускай пустое место. Для Петриченко, для всех остальных. Олеся и не собиралась быть для них кем-то. Даже лучше, если проходят мимо не замечая, не задают вопросы, никуда не тянут, не трогают.

Да разве обязательно, чтобы тебя видели непременно все? Разве не достаточно существовать только для нескольких человек, которые по-настоящему важны? Для себя. Ну... еще для родителей. Вот это действительно имеет смысл. А все остальные...

Нет, конечно, пусть они тоже существуют. Но будут смыслом для кого-то другого. Олесе достаточно и того, что у нее уже есть.

До конца урока осталось совсем чуть-чуть, когда одноклассники дружной толпой повалили со стадиона к зданию школы. Олеся нарочно задержалась. Переодеться она успеет, недолго, зато в раздевалке уже будет не так тесно и шумно. Она осталась бы на улице и подольше, но физрук оглянулся у выхода, заметил, окликнул:

– Ерганова, але! Ты там, случаем, не приросла к лавочке? Или задремала?

Олеся отрицательно мотнула головой, поднялась.

Физрук дождался ее, посмотрел с упреком:

– Да что ж ты такая? Словно не живешь, а время убиваешь. Ничего тебе не интересно.

Неправда! Вовсе не «ничего». Это просто физкультура такая. Не всем же нравится бегать и прыгать. А уж тем более носиться по полю, стараясь выхватить у другого мяч, злиться, орать. Вот это действительно неинтересно. Но физкультура – это же еще не «всё».

В раздевалке и правда уже закончилось самое столпотворение. Олеся подошла к крючку, на котором висела ее школьная форма. Пиджак, блузка. А где юбка?

Олеся заглянула под стул, проверила в сумке – вдруг засунула случайно, потом осмотрела раздевалку. Может, юбка упала и ее не заметили, отбросили в сторону или перевесили на другой крючок?

Нет нигде. И крючки почти все уже свободны, последние пиджаки ждут, когда хозяйки их наденут. А вдруг кто-нибудь из одноклассниц случайно прихватил Олесину юбку, не разобравшись затолкал в пакет вместе со своими вещами? Всё одинаково темное – что школьная форма, что физкультурная. Только футболки и блузки белые.

Олеся выпрямилась, сжала пальцы в кулаки – так сразу чувствуешь себя сильнее.

– Девочки! – выдохнула решительно. – А никому не попадалась моя юбка?

В первое мгновение ничего не изменилось, одноклассницы продолжали копошиться. А потом Ковалева обернулась, переспросила удивленно:

– Юбка?

И еще несколько пар глаз заинтересованно уставились на Олесю.

– Да, – подтвердила она.

– Мне не попадалась, – сообщила Ковалева. И еще несколько голосов произнесли примерно то же самое, а кто-то посоветовал:

– Посмотри у себя как следует.

Олеся тщательно перетряхнула и вещи, и содержимое сумки, надеялась до последнего. А когда все ушли, еще раз обошла раздевалку, заглядывая под стулья.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.